

Дунцов Алексей Николаевич
преподаватель
ИКВИА НИУ ВШЭ, Москва, Россия;
научный сотрудник
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
bar.iereimias@gmail.com

К ПРОЧТЕНИЮ КУФИЧЕСКОЙ НАДПИСИ НА СТЕЛЕ 1 МУСУЛЬМАНСКОГО КУЛЬТОВОГО КОМПЛЕКСА X – НАЧ. XIII вв. В ДЕРБЕНТЕ

Аннотация. В ходе археологических исследований 2014 г. в Дербенте был изучен монументальный ритуальный комплекс X – нач. XIII вв., связанный с северным городским кладбищем Кырхляр и предназначенный для совершения ритуальных омовений. Важным структурным элементом комплекса являлась группа из пяти вертикально установленных стел XI–XII вв., четыре из которых содержали куфические надписи. Девятистрочная надпись на стеле 1 в силу плохой сохранности текста не была прочитана полностью. Результаты детального эпиграфического анализа показали, что надпись, выполненная в стиле «листовидного куфи», по своему содержанию относится к жанру эпитафии и представляет собой заупокойную молитву. Анализ особенностей структуры и содержания текста надписи в сравнении с аналогичными эпитафиями IX–XI вв. позволяет уточнить датировку стелы 1 и ограничить время ее создания рамками XI в. Ключевой особенностью надписи, отличающей ее от известных аналогичных эпитафий указанного периода, является использования глагола *jahhir* («очисти»), ранее не зафиксированного в подобных текстах. Этот глагол напрямую соотносится с функцией комплекса, предназначенного для ритуальных очищений. Археологический контекст свидетельствует о том, что стела 1, как и другие стелы группы, не являлась надгробным памятником, а использовалась в ином ритуальном контексте. Противоречие между содержанием текста, относящегося к жанру эпитафии, и археологическим контекстом разрешается предположением о вотивной природе памятника. Помимо декоративной и коммеморативной функций, стела 1 могла выполнять также функцию вотивного приношения (*naḡr-*), призванного повлиять на посмертную участь умершего. Широкое распространение практики вотивных приношений в культовых местах средневекового Дербента, вероятно, служит подтверждением этой гипотезе.

Ключевые слова: Дербент; кладбище Кырхляр; исламская эпиграфика; цветущий куфи; ритуальное омовение; вотивные стелы; эпиграфический анализ; средневековый Кавказ

Для цитирования: Дунцов А.Н. К прочтению куфической надписи на стеле 1 мусульманского культового комплекса X – нач. XIII вв. в Дербенте // История, археология и этнография Кавказа. 2026. Т. 22. № 3. С. 581-593. doi.org/10.32653/CH223581-593

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH223581-593>

Research paper

Aleksey N. Duntsov

Lecturer

Institute for Oriental and Classical Studies, HSE University, Moscow, Russia;

Researcher

Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow, Russia

bar.iereimias@gmail.com

THE KUFIC INSCRIPTION ON STELA 1 FROM THE MEDIEVAL ISLAMIC CULTIC COMPLEX OF DERBENT (10TH–EARLY 13TH CENTURIES)

Abstract. Archaeological excavations conducted in 2014 at Derbent revealed a monumental ritual complex dating from the 10th to early 13th centuries, associated with the northern urban cemetery of Kyrkhlyar and designed specifically for performing ritual ablutions. A central structural component of this complex consisted of five vertically erected stelae from the 11th–12th centuries, four of which featured epigraphic inscriptions in Kufic script. The nine-line inscription on Stela 1 had not been fully deciphered due to its poor state of preservation. This study provides a comprehensive epigraphic re-examination of Stela 1, establishing that its text – executed in “floriated” Kufic – belongs to the epitaph genre and constitutes a funerary prayer. A comparative stylistic and contextual analysis alongside analogous 9th–11th-century epigraphic monuments refined the dating of the stela, securely narrowing its creation to the 11th century. Crucially, the text contains a unique feature unattested in contemporary funerary epigraphy: the imperative verb *ṭahhir* (“purify!”). This lexical choice directly links the inscription to the spatial function of the surrounding architectural complex, which was designated for ritual purification (*ṭahāra*). The non-sepulchral archaeological context indicates that Stela 1 was not positioned over a grave, revealing an apparent contradiction between its epitaphic textual content and its practical placement. The author resolves this anomaly by proposing a votive origin for the monument. Beyond its decorative and commemorative functions, Stela 1 likely functioned as a votive offering (*naḍr*) designed to favorably influence the posthumous fate of the deceased. This interpretation is corroborated by broader evidence demonstrating the widespread practice of votive dedications at cultic sites throughout medieval Derbent.

Keywords: Derbent; Kyrkhlyar cemetery; Islamic epigraphy; floriated Kufic; ritual ablution; votive stelae; epigraphic analysis; medieval Caucasus

For citation: Duntsov A.N. The kufic inscription on stela 1 from the medieval Islamic cultic complex of Derbent (10th–early 13th centuries). *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. № 3. P. 581-593. doi.org/10.32653/CH223581-593

Введение

В июне-августе 2014 г. в Дербенте в ходе археологических работ был исследован монументальный ритуально-обрядовый комплекс с автономной системой водоснабжения, связанный с отправлением погребального культа и обслуживавший северное городское кладбище Кырхляр. Комплекс располагался за пределами средневекового города, у северной городской стены между башнями № 19 и № 20, и включал каменные и керамические водоводы, водоотстойники, ванну, крупные бассейны-резервуары, сложенные из массивных отесанных блоков, а также закрытый коллектор для сброса сточных вод. Вода подводилась в комплекс по каменным и керамическим водоводам из ущелья, расположенного к северу и западу от цитадели Нарын-кала. Рядом с бассейнами была выявлена площадка из крупных каменных плит, вероятно, представлявшая собой пол помещения для ритуального омовения [1, с. 184–187]. Многочисленные керамические и нумизматические находки позволили датировать комплекс X — нач. XIII вв., хотя в нумизматической части коллекции (всего: 57 монет) представлена значительная группа более ранних монет — омейядских (2 экз. рубежа VII–VIII вв.) и 10 аббасидских фельсов второй половины VIII в. (10 экз.) [2, с. 821–823].

Особое место в структуре комплекса занимали пять прямоугольных стел, стоящих вертикально в ряд вплотную друг к другу в его северо-западной части. Нумерация стел соответствует порядку их удаления от центра комплекса. Четыре стелы содержали три врезные и одну рельефную арабские кufические надписи, которые по палеографическим особенностям были датированы XI–XII вв. Надписи представляли собой религиозные формулы: инвокации (имена-эпитеты Бога¹, *басмалу*), славословия пророку Мухаммаду и четверем «праведным халифам», исповедание веры (*шахаду*). Надпись на стеле 1 не была прочитана полностью в силу плохой сохранности теста [3].

Куфическая надпись на стеле 1

Стела 1 выполнена из ракушечника и имеет размеры 110×53×12–13 см. Девятистрочная надпись, вырезанная в низком рельефе, расположена в заглубленном эпиграфическом поле прямоугольной формы, которое заключено в рамку и имеет размеры 90×45 см. Верхнее поле рамки разделено зигзагообразной линией на две половины, при этом верхняя половина заглублена и образует декоративный мотив в виде трех выступающих равносторонних треугольников. В верхнем правом углу верхнего поля рамки и на ее левой боковой стороне имеются многочисленные сколы.

Надпись значительно повреждена в результате эрозии. Наибольшие утраты наблюдаются в строке 1, а также в строках 3–6. Поверхность стелы имеет многочисленные сколы и каверны. Выступающие края букв частично стерлись, что затрудняет прослеживание контуров знаков. Можно предположить, что удовлетворительная сохранность последних трех строк надписи связана с тем, что нижняя часть стелы оказалась заглублена в грунт в период функционирования комплекса в XI — нач. XIII вв., что предотвратило значительное воздействие эрозии. Более высокое число сколов на левой боковой стороне рамки, обращенной наружу относительно группы стел, по сравнению с правой боковой стороной, непосредственно примыкавшей к стеле 2, также можно объяснить тем, что левая сторона стелы подвергалась более интенсивному механическому воздействию в прошлом.

Значительное число повреждений вызвало трудности с чтением и интерпретацией надписи при первой публикации. Авторы признают, что из-за плохой сохранности текста и особенностей кufического письма, в котором, как правило, отсутствуют диакритические знаки, различающие буквы одинаковой формы, предложенное ими чтение строк 3–6 и частично строки 7 следует рассматривать как предварительное, и они «оставляют открытыми двери для дальнейших интерпретаций этого сложного эпиграфического памятника» [3, с. 808]. Тем не менее, им удалось выявить в тексте памятника ряд устойчивых религиозных формул: *басмалу* в начале текста, а также имя пророка Мухаммада и традиционное славословие ему (*taṣliyat*-) в конце. Кроме того, было высказано предположение о наличии в тексте мольбы о прощении грехов (*ʿistiḡfār*-) и устойчивой формулы *nawwara la-hū fī qabri-hī*

¹ По нашему мнению, текст стелы 2 следует интерпретировать как последовательность имен-эпитетов Бога: *ʿal-lāhu l-maliku l-lāhu* «Бог, Царь, Бог».

(«да осветит (Бог) ему его могилу»), характерной для эпитафий, глагол которой, в отсутствие более широкого контекста, был понят как форма «оптативного перфекта».

При работе с памятником применялся метод чтения текста при различном угле освещения в разное время суток. Исследование проводилось с непосредственным доступом к стеле, которая является частью музейной экспозиции под открытым небом и выставлена с внешней стороны северной городской стены между башнями № 19 и № 20. Кроме того, были использованы корпусные методы анализа, включающие сопоставление текста памятника с текстами других эпиграфических объектов и поиск аналогий в базе данных *Thesaurus d'epigraphie islamique*, которая содержит более 57 тыс. надписей на арабском, персидском, турецком и других языках мусульманского мира, датируемых вплоть до 1000 г. х. (1591–1592 гг.) [4].

Надпись выполнена куфическим письмом, которое, как отмечалось выше, за редкими исключениями не содержит диакритических знаков. Для передачи 28 согласных² и трех долгих гласных фонем классического арабского языка в куфическом письме различаются 15 графем в начальном и срединном вариантах и от 15 до 17 графем в конечном и изолированном³. Наличие у графем особых конечных и изолированных вариантов помогает определять границы слов, поскольку расстояние между словами нередко сопоставимо с расстоянием между буквами внутри слова в местах, где вязь прерывается.

Некоторые буквы надписи украшены растительным декором в стиле «листовидного куфи» (*foliated Kūfic, Blattkūfi*). Этот стиль отличает ограниченный набор декоративных элементов: раздваивающиеся кончики на вершинах букв, а также на боковых линиях в их начальных и конечных вариантах. Верхние части букв украшены полупальметтами и листьями с двумя или тремя лопастями [5, с. 183; 6, с. 113–141]. Можно выделить следующие декоративные элементы надписи:

- двух- и трехлепестковые полупальметты на вершинах букв *'alif*, *lām*, *ṭā'*, а также *bā'* в *басмале*;
- двух- или трехконечный хвост у изолированного надстрочного варианта буквы *wāw*, а в отдельных случаях — у конечных вариантов букв *nūn*, *dāl* и *mīm*;
- U-образная вставка перед буквой *hā'*;
- трехлепестковая полурозетка со стрельчатым верхом в слове (*'a*)*l-lāhi* в *басмале*.

В отсутствие диакритических знаков декоративное оформление букв может служить средством их различения в надписи.

Текст и транскрипция

(1) بسم الله	(1) <i>bi-smi l-lāhi</i>
(2) الرحمن الرحيم	(2) <i>r-raḥmāni r-raḥīmi</i>
(3) اللهم اغفر	(3) <i>l-lāhumma gḥfir</i>
(4) وطهر عبد	(4) <i>wa-ṭahhir 'abda</i>
(5) المؤخر ونور	(5) <i>l-mu 'aḥḥiri wa-nawwir</i>
(6) له في قبره وأ	(6) <i>la-hū fī qabri-hī wa-'a-</i>
(7) لحقه نبيه محمد	(7) <i>-lḥiq-hu <bi->nabiyyi-hī muḥammadin</i>
(8) صل الله عليه	(8) <i>ṣall<ā> l-lāhu 'alay-hi</i>
(9) وسلم	(9) <i>wa-sallama</i>

Перевод

- (1) Во имя Бога,
- (2) милостивого, милосердного.
- (3) Боже, прости
- (4) и очисти Абд-
- (5) -ал-Му'аххира и освети
- (6) ему его могилу и со-
- (7) едини его с его пророком Мухаммадом,
- (8) да благословит Бог его,
- (9) и приветствует.

2 В классической арабской орфографии буква *'alif* в сочетании с особыми диакритическими знаками (*хамза* и *мадда*) служит для передачи согласной фонемы /' / лишь в начале слова.

3 В некоторых куфических надписях также возможно совпадение букв *fā'*, *qāf* и *wāw* в конечном и изолированном вариантах. Ср., например, официальную арабскую надпись из с. Митаги [7, с. 199], где буква *qāf* (строка 3) и буква *wāw* (строки 2, 3 и др.) совпадают в конечном варианте.

Палеографический комментарий

Строка 1. Буква *bā* в первом слове *басмалы* имеет ту же высоту, что и буквы *ʿalif* и *lām* в следующем слове (*ʿa*)*l-lāhi*, и завершается трехлепестковой полупальметтой. Этим она отличается от остальных написаний буквы *bā* в тексте памятника, где она представлена в виде низкого зубца со скошенным краем. Высокая буква *bā* в *басмале* является особенностью многих лапидарных куфических надписей (ср. *басмалу* в официальной арабской надписи 792–793 г. из с. Митаги [7, с. 199]), и встречается, в частности, уже на самой ранней надгробной стеле Абд-ар-Рахмана ибн Хайра ал-Хаджри (652 г. / 31 г. х.), происходящей из Египта [8, с. 323]. Над буквой *mīm* в *басмале* прослеживаются три вертикальные полосы с неровными, подвергшимися эрозии краями. В первой публикации они были интерпретированы как буквы *ʿalif* и *lām* следующего слова (*ʿa*)*l-lāhi* [3, с. 803, рис. 4]. По-видимому, эти полосы составляли трехчастный декоративный элемент, предназначенный для заполнения пространства над буквами *sīn* и *mīm*. Аналогии ему можно встретить на одной из надмогильных стел IX в. из Египта, где он имеет более простую форму (рис. 2, а), а также на куфических стелах того же периода с кладбища ал-Ма'ла в Мекке, где этот элемент представлен в виде расходящихся побегов, украшенных бутонами и листьями (рис. 2, б-г). Буквы *ʿalif* и *lām* следующего слова сильно повреждены эрозией. На памятнике различимы основание буквы *ʿalif* и две обращенные в противоположные стороны трехлепестковые полупальметты, завершавшие обе буквы. В середине слова (*ʿa*)*l-lāhi*, между буквами *lām*, видна трехлепестковая полурозетка со стрелчатым верхом. На стеле 4 присутствует похожий по форме, более геометризованный элемент: его вершина украшена остроконечным трилистником с загибающимися вниз боковыми листьями, и он делит слово *ʿal-lāhu* на две симметричные половины [3, с. 811–812]. Сходный мотив трехлепестковой полурозетки со стрелчатым верхом в слове *ʿal-lāhu* встречается в резьбе по стукко соборной мечети города Наин в Иране (X в.) (рис. 3).

Строка 2. Текст строки представляет собой продолжение *басмалы*. Следует отметить раздвоенный кончик конечного варианта буквы *nūn*. Полупальметты букв *ʿalif* и *lām* в обоих словах обращены в противоположные стороны.

Строка 3. Через центр верхней петли буквы *hā* в слове (*ʿa*)*l-lāhumma* проходит небольшая трещина, которая, однако, не препятствует надежной идентификации буквы. В последнем слове строки 3 буква *rā* вытянута и имеет скошенный верх. Она отличается от буквы *lām* отсутствием полупальметты (ср. конечную форму буквы *lām* в первом слове строки 8).

Строка 4. Центральная часть строки подверглась значительной эрозии. Первое слово представляет наибольшую сложность для интерпретации. Оно начинается с буквы *wāw* с заостренным верхом и раздвоенным хвостом. Вторая буква *ṭā*, увенчанная двухлепестковой полупальметтой, переходит в зубец со скошенным верхом, за которым следует декоративный U-образный элемент. Третья буква сильно повреждена, однако сохраняет округлую форму; верхний край не прослеживается, в центре видны две глубокие каверны. Можно предположить, что это буква *hā* в начальном варианте, для которого характерны округлость очертаний, две петли и небольшая обращенная вверх черта со скошенным краем. В местах углублений в центре петель образовались каверны, черта не сохранилась. Четвертая буква, несмотря на незначительные повреждения нижней части, может быть уверенно идентифицирована как *rā* — она имеет вытянутую форму, аналогичную последней букве строки 3. Вопрос о том, следует ли рассматривать зубец после буквы *ṭā* как самостоятельный знак или как декоративный элемент, решается в пользу второго варианта на основании палеографических и лингвистических свидетельств. В надписи на стеле 1 во всех случаях, когда за буквой-зубцом следует U-образный элемент, ему предшествует небольшой уступ, который в рассматриваемом слове отсутствует. Кроме того, в последовательности طهر ни один из 20 возможных вариантов расстановки диакритических точек не может быть интерпретирован на материале арабского языка. Помимо религиозных формул в начале и в конце, текст памятника содержит инвокацию (*ʿa*)*l-lāhumma* («Боже») и последовательность императивов в форме ед. ч. м. р. с их комплементами. В связи с этим реконструкция в строке 4 императива глагола II породы طهر *ṭahhir* («очисти») представляется обоснованной. Второе слово строки 4 является прямым объектом императива *ṭahhir* и представляет первый элемент теофорного имени, начинающегося с *ʿabd* — («раб»). Первая буква *ʿayn* значительно повреждена эрозией. Частично сохранились ее дугообразный верхний элемент и место перехода к следующей букве. За ней следует буква-зубец, а завершает слово буква *dāl*, верхняя часть которой разрушена; на стеле различим изгиб перехода от тела

буквы к утраченному вертикальному элементу в верхней части (ср. полностью сохранившуюся букву *dāl* в последнем слове строки 8).

Строка 5. Начало первого слова представлено последовательностью букв *ʿalif*, *lām* и *mīm*. Четвертая буква состоит из округлой петлеобразной основы с нисходящим под строку хвостом, что позволяет с уверенностью идентифицировать ее как *wāw*. Следующие две буквы подверглись значительной эрозии, однако их идентификация возможна благодаря сохранению ряда диагностических признаков. Обе буквы не имеют подстрочных элементов, что подтверждается отчетливо различимым нижним контуром букв. У первой буквы наблюдается дугообразный верхний контур, по высоте она равна предыдущей букве *wāw*. Вторая характеризуется наличием высокого вертикального элемента со скошенным верхом и не имеет растительного декора. Отсутствие декора в виде двух – или трехлепестковой полупальметты, характерной для буквы *lām*, и наклоненного в направлении начала строки вертикального элемента со скошенным верхом, характерного для букв *dāl*, *dāl* и *kāf*, позволяет сделать вывод, что перед нами надстрочный вариант буквы *rāʾ*. Так как слово является частью теофорного имени с элементом *ʿabd* – («раб»), оно должно представлять собой эпитет Бога. В числе канонических «прекрасных имен Бога» (*ʿasmāʾ u l-lāhi l-ḥusnā*) выделяются четыре эпитета, начинающиеся с последовательности *المو*: *ʿal-muʾminu* (المؤمن), *ʿal-muʾaḥḥiru* (المؤخر), *ʿal-muʾwassiʾu* (الموسع), *ʿal-mawḥlā* (المولى). Эпитет *ʿal-muʾaḥḥiru* наиболее точно соответствует графическому облику слова, поскольку буква *ḥāʾ* имеет округлый верхний контур и по высоте соответствует букве *wāw*. Таким образом, имя человека, упомянутого в надписи, может быть реконструировано как *ʿabdu l-muʾaḥḥiri*. Второе слово строки 5 начинается с изолированного варианта буквы *wāw* с заостренным верхом и трехконечным хвостом. За ней следуют буква-зубец с утолщенным и слегка закругленным верхом и буква *wāw*. Завершает строку надстрочный вариант буквы *rāʾ*, сходный по очертаниям с аналогичной буквой в предыдущем слове.

Строка 6. Строка начинается с буквы *lām*, увенчанной обращенной влево трехлепестковой полупальметтой. За ней следует небольшой уступ и U-образный элемент, переходящий в конечный вариант буквы *hāʾ*. Следующее слово из двух частично повреждено. Первая буква имеет округлую петлеобразную форму с углублением в центре. За ней следует буква *yāʾ* в конечном варианте, которая имеет серповидную форму и расположена непосредственно под первой буквой. Следующее слово состоит из четырех букв: оно начинается с петлеобразной буквы, за которой следует буква-зубец. За ней идет буква *rāʾ* вытянутой формы с заостренным верхом, и изолированный вариант буквы *hāʾ*. Строка 6 завершается изолированным вариантом буквы *wāw* и вертикальной буквой, в верхней части которой видны фрагменты обращенной вправо двухлепестковой полупальметты. На основании этого признака ее можно идентифицировать как *ʿalif*.

Строка 7. Первое слово строки состоит из четырех букв. Буква *lām*, украшенная обращенной влево трехлепестковой полупальметтой, образует лигатуру со следующей буквой *ḥāʾ*. За ними следует петлеобразная буква, которая через небольшой уступ и U-образный элемент соединяется с конечной формой буквы *hāʾ*, указывающей на конец слова. Второе слово строки 7 состоит из трех идущих подряд низких букв-зубцов со скошенным верхом, которые через небольшой уступ и U-образный элемент соединяются с конечной формой буквы *hāʾ*. Это слово должно являться продолжением широко представленной в эпитафиях формулы *ʿalḥiq-ḥu bi-nabiyyi-hi* («соедини его с его пророком»). Однако в надписи на стеле количество букв-зубцов на одну меньше, три вместо четырех. Меньшее число зубцов, вероятно, объясняется гаплографией. Третье слово строки 7, равно как и следующие строки надписи, было верно интерпретировано уже при первой публикации памятника. Оно представляет собой имя пророка Мухаммада, за которым следует традиционная формула благословения. Имя предстает в лигатурном написании: первая и вторая буквы образуют сочетание, в котором буква *ḥāʾ* расположена непосредственно под буквой *mīm*. Последняя буква *dāl* имеет вертикальный элемент со скошенным верхом, слегка наклоненный в сторону начала строки, и раздвоенный кончик.

Строка 8. Первое слово строки 8 состоит из двух букв: *ṣād* и *lām*. Буква *lām* в отличие от вытянутого конечного варианта буквы *rāʾ* декорирована обращенной влево трехлепестковой полупальметтой. Глагол *ṣallā* записан без буквы *yāʾ*, что, вероятно, объясняется утратой оппозиции долгих и кратких гласных на конце слова в живой речи (*ṣallā* > *ṣalla*) [9, с. 10; 10, с. 65]. Во втором слове (*ʿa*)*l-lāhi* отсутствует декоративная полурозетка, которая наблюдается в аналогичном слове в *басмале*. Последняя буква *hāʾ* в конечном варианте соединяется с предыдущей буквой *lām* через U-образный элемент без уступа. В третьем слове *ʿalay-hi* нижний элемент первой буквы *ʿayn* выдвинут вперед относительно

верхнего дугообразного элемента и имеет утолщенный кончик. Буква *lām* украшена двухлепестковой полупальметтой, обращенной влево. Буква-зубец *yā'* соединяется с конечной формой буквы *hā'* через небольшой уступ и U-образный элемент.

Строка 9. Первая буква *wāw* с остроконечным верхом и трехконечным хвостом представлена в изолированном надстрочном варианте. Следующая буква *sīn* состоит из трех идущих подряд сужающихся остроконечных зубцов, отличающихся от трех букв-зубцов в строке 7, которые имеют равномерную толщину и скошенный верх. Соединительная линия между буквами *sīn* и *lām* значительно длиннее, чем в других словах текста, и служит для заполнения пространства. Буква *lām* украшена обращенной вправо двухлепестковой полупальметтой. Последняя буква *tīm* имеет раздвоенный хвост.

Интерпретация памятника

Надпись на стеле 1 по своей структуре и содержанию принадлежит к жанру эпитафии. В ее тексте используются формулы, широко распространенные в арабоязычных эпитафиях, такие как *nawwīr la-hū fī qabri-hī* («освети ему в его могиле») и *'alhiq-hu bi-nabiyyi-hī* («соедини его с его пророком»). Помимо *басмалы* и *славословия* пророку, расположенных в начале и конце, текст стелы 1 включает инвокацию, за которой следует последовательность глаголов в форме императива, — и представляет собой заупокойную молитву.

Для средневековых мусульманских арабоязычных эпитафий характерно значительное типологическое разнообразие структуры и содержания. Заупокойная молитва, засвидетельствованная уже в наиболее ранних памятниках этого жанра [8, с. 322], могла составлять как весь текст эпитафии, так и входить в ее состав в сочетании с другими компонентами (такими как религиозные формулы, коранические цитаты, упоминание имени умершего или дата его кончины).

Особый интерес представляют эпитафии, которые содержат заупокойную молитву и демонстрируют не только структурное, но и материальное сходство с надписью на стеле 1. Они включают инвокацию (*'a*)*l-lāhumma* («Боже») и те же глаголы в форме императива, расположенные в аналогичной либо незначительно измененной последовательности: «*Боже — прости — освети — соедини*». В корпусе *Thesaurus d'épigraphie islamique* представлены 26 эпитафий подобной структуры и содержания, большая часть которых происходит из Египта и Хиджаза (20 стел). Из них 12 эпитафий, помимо вышеупомянутых глаголов, включают в последовательность императивов также и другие глаголы. Все эти стелы были созданы в период с IX по XI вв., что может служить аргументом в пользу уточнения датировки стелы 1 и ограничения времени ее создания рамками XI в.

Примечательно, что среди глаголов, встречающихся в эпитафиях этого типа, глагол *ṭahhir* («очисти») не засвидетельствован. Корпус *Thesaurus d'épigraphie islamique* содержит несколько стереотипных контекстов, в которых глагол *ṭahhir* употреблен в последовательности глаголов в форме императива после инвокации. Все эти контексты представляют собой куфические граффити сер. VIII — нач. IX вв. из Вади-Салма (Иордания) [4; 11, с. 676–677]. В отличие от эпитафий, эти стандартные надписи, помимо мольбы о прощении грехов (*ṭahhir ḡalba-hū*) и очищении сердца (*ṭahhir qalba-hū*), содержат подпись автора с датой. Таким образом, употребление глагола *ṭahhir* в тексте на стеле 1 представляется значимым признаком, который отличает эту надпись от других эпитафий с похожей структурой и содержанием. Важно также отметить, что другие стелы группы не содержат текстов, которые могут быть отнесены к жанру эпитафии.

Археологический контекст, в котором была найдена стела 1 и другие стелы группы, исключает возможность их интерпретации как надмогильных памятников. Основания стел были слегка заглублены в материковый грунт, а их оборотные стороны прилегали к эскарпированному склону. Следы могильных ям не были обнаружены⁴.

В связи с этим важно отметить, что находящийся в Дербенте культовый комплекс Кырхляр (XI–XII вв.) ранее также окружали стелы, установленные вертикально в ряд вплотную друг к другу, как это запечатлено на гравюре XIX в. А. Мюнстера (рис. 4). На гравюре невозможно различить, имели ли

4 д.и.н., проф. Гаджиев М.С. [Электронное письмо, 01.11.2025].

стелы куфические надписи. Русский купец Федот Котов, посетивший Дербент в 1624 г., также упоминает, что группа могил Кырхляр была огорожена «стоячими плитами каменными» [12, с. 43].

Присутствие в надписи глагола *jahhir* («очисти») подчеркивает связь стелы 1 с ритуальным комплексом, в котором она была обнаружена и который использовался для совершения обрядов ритуального очищения (*tahīr-*) и омовения покойников. Этот комплекс имел непосредственное отношение к одному из кладбищ средневекового Дербента — кладбищу Кырхляр. Можно предположить, что установленная в ритуальном комплексе богато украшенная стела 1 не только выполняла функцию поминовения умершего и служила выражением личного благочестия, которое проявлялось в украшении культового здания, но также являлась видом вотивного приношения (*naḡr-*), призванного повлиять на посмертную участь умершего через запечатленную в камне молитвенную просьбу, помещенную в «святом месте».

Арабский термин *naḡr-* («посвящение, обет») может обозначать не только сам акт посвящения или клятвенного обещания Богу, но и предмет, являющийся объектом этого посвящения. Вотивный дар мог быть принесен в знак благодарности за исполнение просьбы, однако также он мог предшествовать ее исполнению, тем самым, по мысли дарителя, связывая божественные силы «обязательством» исполнить просьбу [13, с. 250]. Существовавшие на Ближнем Востоке практики вотивных приношений, связанные с посещением (*ziyārat-*) могил пророков и святых, вызывали осуждение у ряда мусульманских ученых-богословов, таких как Ибн Таймийя и Ибн Каййим. Среди подобных практик они упоминают подношение монет, серебряных и золотых светильников, масла, свечей, благовоний и жертвенного скота. Молитвы и принесение обетов перед почитаемыми источниками и деревьями сопровождалось повязыванием кусков ткани. Могилы святых украшались покрывалами и богатыми драпировками [14, с. 78–79, 186–187]. Почитание святого могло проявляться в украшении орнаментом мавзолея, в котором тот был похоронен, а над его могилой могла быть воздвигнута надгробная стела [15, с. 95]. Практика вотивных приношений включала в себя и монументальное строительство. В 1912 г. немецкий археолог Э. Герцфельд обследовал святилище Машхад Али, расположенное к северу от города Ана (Ирак). Под куполом святилища он обнаружил строительную надпись, датированную 1193 г., которая содержала имена мастеров и указание на то, что купол был возведен во исполнение обета (*naḡr-*) Мас'уда ибн Бадра [16, с. 367].

О широком распространении практики вотивных приношений в средневековых святилищах Дербента свидетельствуют многочисленные находки. На ритуальном комплексе, где была обнаружена стела 1, было найдено 57 монет, которые были интерпретированы как приношения, совершенные во исполнение сокровенных желаний или обета [2, с. 821]. На другом ритуальном комплексе — *Баб ал-кийама*, расположенном примерно в 450 м восточнее, — были зафиксированы обряды забивания в стену гвоздей и подношения медных монет, которые также трактуются как вотивные. Обряд забивания гвоздей в этом святилище продолжал практиковаться до XIX в. и упоминается в заметке в «Известиях Кавказского отделения Русского географического общества». С ритуальной спецификой этого культового комплекса связана находка стеклянного флакона для благовоний, который, по-видимому, являлся вотивным приношением, а также находка большого числа осколков маленьких стеклянных сосудов и браслетов [17, с. 29–31].

Таким образом, несмотря на наличие у надписи на стеле 1 формальных признаков эпитафии, можно уверенно заключить, что стела не являлась надмогильным памятником, а функционировала в ином ритуальном контексте. Ключевая особенность памятника — наличие в тексте глагола *jahhir* («очисти»), который отсутствует в известных аналогичных эпитафиях, — указывает на его тесную связь с ритуальным комплексом и обрядами очищения, проводившимися на этом месте. Нельзя исключать, что установка стелы в пространстве комплекса была направлена не только на поддержание коллективной памяти об умершем, но и являлась своего рода вотивным приношением, призванным обеспечить умершему божественную милость и повлиять на его бытие после смерти. Широкое распространение вотивных практик в средневековых культовых комплексах Дербента, вероятно, подтверждает эту гипотезу.

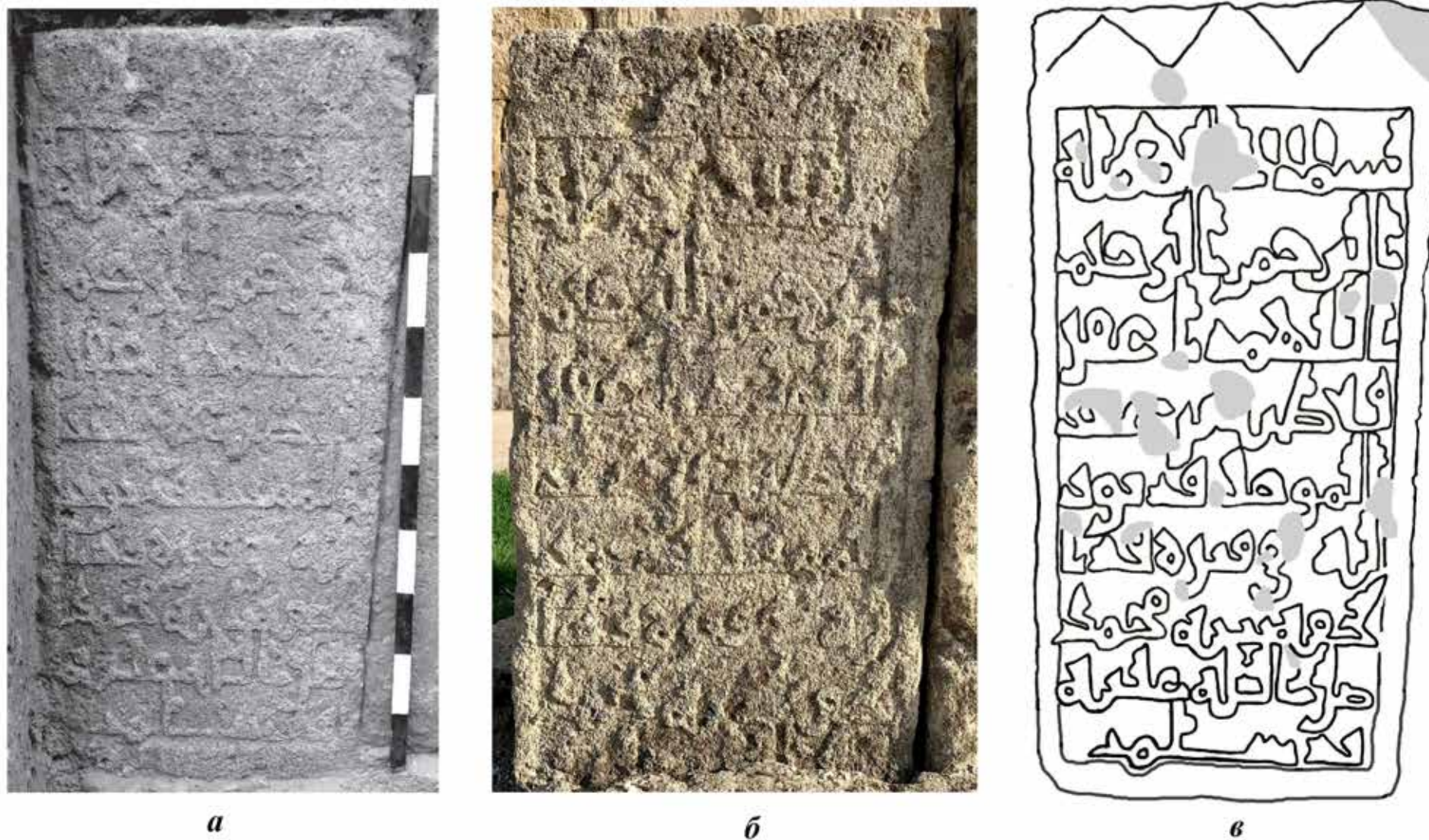
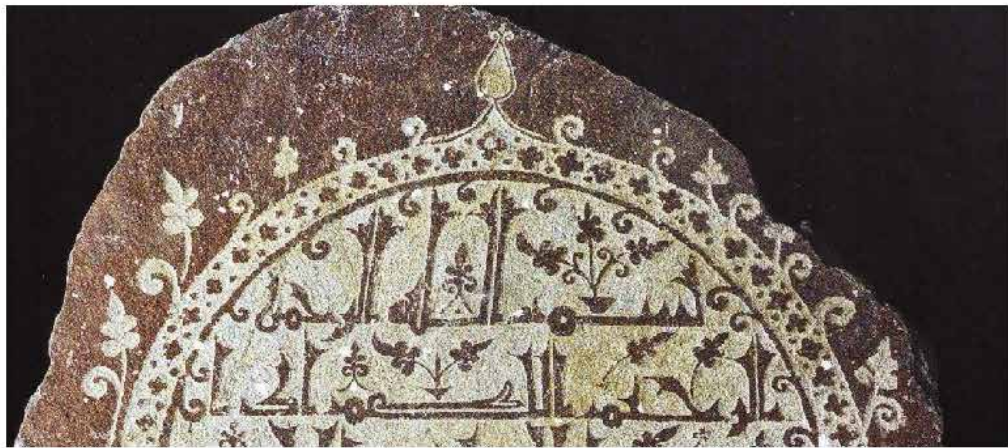

Рис. 1. Дербент. Стела 1: фото *in situ* (а) [Гаджиев, Шихсаидов, Аликберов 2016, с. 803], фото 2022 г. (б), прорисовка (в)

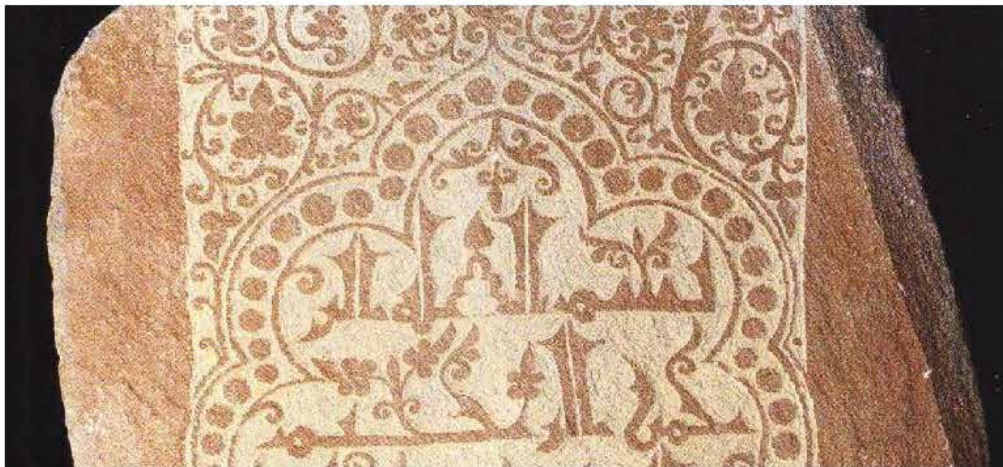
Fig. 1. Derbent. Stele 1: photo *in situ* (a) [Gadzhiev, Shikhsaidov, Alikberov 2016, p. 803], photo 2022 (b), drawing (c)

a

б

в

г

Рис. 2. Декоративный элемент над первым словом *басмалы*: стела 4288 из собрания Музея исламского искусства в Каире, 243 г.х. (857/8 г.) (а) [Jum'a I., 1969, с. 165], стела 497А, Национальный музей, Эр-Рияд (IX в.) (б), стела 451, Национальный музей, Эр-Рияд (IX в.) (в), стела 155, Музей Каср Хузам, Джедда (IX в.) (г)
[Routes d'Arabie 2010, pp. 502-504, №№ 285-287]

Fig. 2. Decorative element above the first word of the *basmalah*: Stele 4288 from the collection of the Museum of Islamic Art in Cairo, 243 AH (857/8 CE) (a) [Jum'a I., 1969, p. 165], Stele 497A, National Museum, Riyadh (9th century) (b), Stele 451, National Museum, Riyadh (9th century) (c), Stele 155, Qasr Khuzām Museum, Jeddah (9th century) (d)
[Routes d'Arabie 2010, pp. 502-504, № 285-287]

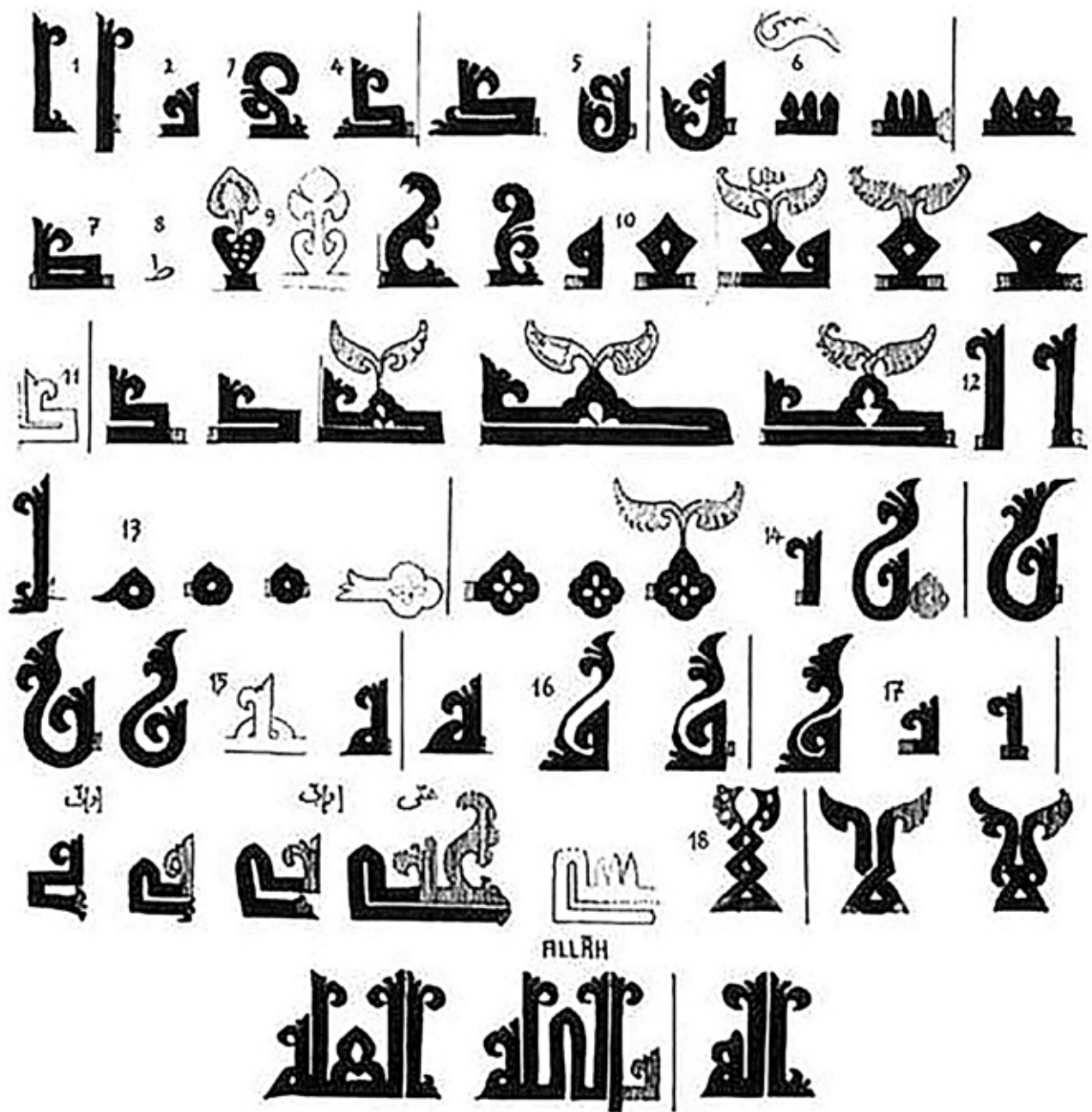

Рис. 3. Алфавитная таблица резной стукковой надписи в соборной мечети Наина [Blair 1992, с. 223]

Fig. 3. Alphabetic chart of the carved plaster inscription in the congregational mosque at Na'in [Blair 1992, p. 223]

Рис. 4. Дербент. Кладбище Кырхляр. Гравюра А. Мюнстера, сер. XIX в. [Гаджиев, Будаичиев, Абдулаев 2021, с. 173]

Fig. 4. Derbent. Kyrkhlyar Cemetery. Engraving by A. Münster, mid-19th century [Gadzhiev, Budaychiev, Abdulaev 2021, p. 173]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаджиев М.С., Абиев А.К., Будаичиев А.Л., Абдулаев А.М., Шаушев К.Б. Открытие и исследование мусульманского культового комплекса X — нач. XIII в. в Дербенте (предварительное сообщение) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2015. № 3. С. 183–195.
2. Гаджиев М.С., Злобин Г.В. Нумизматические находки из средневекового ритуально-культового комплекса в Дербенте // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2023. № 15. С. 806–833. DOI: 10.53737/2809.2023.32.33.033
3. Гаджиев М.С., Шихсаидов А.Р., Аликберов А.К. Арабские эпиграфические памятники XI–XII вв. новооткрытого мусульманского ритуально-обрядового комплекса в Дербенте // *Ars Islamica*: в честь С.М. Прозорова / Отв. ред., сост. М.Б. Пиотровский, А.К. Аликберов. М.: Наука-Вост. лит., 2016. С. 798–818.
4. Thesaurus d'épigraphie islamique (TEI) [Internet]. — [дата обращения: 31.10.2025]. Доступ по ссылке: <https://www.epigraphie-islamique.uliege.be/>
5. Grohmann A. The origin and development of floriated Kufic // *Ars Orientalis*. 1957. Vol. 2. P. 183–214.
6. Grohmann A. *Arabische Paläographie. II, Das Schriftwesen. Die Lapidarschrift*. — Wien: Hermann Böhlau Nachf., 1971. — 290 p., 67 pls., 2 tabs.
7. Гаджиев М.С., Шихсаидов А.Р. Сведения Дербенд-наме о Харун ар-Рашиде и новооткрытая официальная арабская надпись 176 г. хиджры // Древности Кавказа и Ближнего

REFERENCES

1. Gadjeiev MS., Abiev AK., Budaychiev AL., Abdulaev AM., Shaushev KB. Discovery and study of the 10th – early 13th century Muslim cult complex in Derbent (preliminary report). *Bulletin of the Institute of History, Archaeology and Ethnography*. 2015; (3): 183-195. (In Russ)
2. Gadjeiev MS., Zlobin GV. Numismatic finds from the medieval ritual-cult complex in Derbent. *Materials in Archeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 2023; 15: 806–833. DOI: 10.53737/2809.2023.32.33.033 (In Russ)
3. Gadjeiev MS., Shikhsaidov AR., Alikberov AK. Arabic epigraphic monuments of the 11th–12th centuries from the newly discovered Muslim ritual-ceremonial complex in Derbent. *Ars Islamica: in honor of S.M. Prozorov*, ed. and comp. by M.B. Piotrovsky, A.K. Alikberov. Moscow: Nauka-Vost. Lit., 2016: 798-818. (In Russ)
4. Thesaurus d'épigraphie islamique (TEI) [Internet]. (accessed: 31.10.2025). Available at: <https://www.epigraphie-islamique.uliege.be/>
5. Grohmann A. The origin and development of floriated Kufic. *Ars Orientalis*. 1957; 2: 183-214. (In Russ)
6. Grohmann A. *Arabische Paläographie. II, Das Schriftwesen. Die Lapidarschrift*. Wien: Hermann Böhlau Nachf., 1971.
7. Gadjeiev MS., Shikhsaidov AR. Information of Derbend-name about Harun al-Rashid and the newly discovered official Arabic inscription of 176 AH. *Antiquities of the Caucasus and the Near East. Collection of articles dedicated to the 70th anniversary of Prof. M.G. Gadjeiev*. Makhachkala: Epokha, 2005: 196-202. (In Russ)

Востока. Сб. статей, посвященный 70-летию со дня рождения проф. М.Г. Гаджиева. Махачкала: Эпоха, 2005. С. 196–202.

8. El-Hawary H.M. The most ancient Islamic monument known dated A.H. 31 (A.D. 652) // *Journal of the Royal Asiatic Society*. 1930. Vol.62. P.321–325.

9. Hopkins S. *Studies in the Grammar of Early Arabic: based upon papyri datable to before 300 A.H./912 A.D.* — Oxford: Oxford University Press, 1984. — 309 p.

10. Blau J. *A Grammar of Christian Arabic: based mainly on South-Palestinian texts from the first millennium.* — Louvain : Secrétariat du Corpus SCO, 1966. Vol. 1 — 668 p.

11. Al-Jbour Kh. S. Arabic inscriptions from Wādī Salma // *Studies in the History and Archaeology of Jordan*. 2001. Vol. 7. P. 673–679.

12. Гаджиев М.С., Будаичев А.Л., Абдулаев А.М. Средневековые мусульманские погребальные памятники Дербента (по данным археологии). Махачкала: МавраевЪ, 2021. — 224 с.

13. Gruber Ch. Nazr Necessities: Votive Practices and Objects in Iranian Muharram Ceremonies // *Ex Voto: Votive Giving across Cultures* / ed. by I. Weinryb. Chicago: University of Chicago Press, 2016. P. 246–275. DOI: 10.2307/j.ctv12fw8bd.14

14. Meri J.W. *The Cult of Saints among Muslims and Jews in Medieval Syria.* Oxford: Oxford University Press, 2002. — 327 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199250783.001.0001

15. Taylor Ch.S. In the Vicinity of the Righteous: Ziyāra and the Veneration of Muslim Saints in Late Medieval Egypt. Leiden: Brill, 1999. XVI, 264 p. DOI: 10.1163/9789004492721

16. Herzfeld E. Mashhad 'Alī, ein Bau Zengi's II a. H. 589. Mit 5 Abbildungen im Text und 5 Tafeln in Lichtdruck // *Der Islam*. 1914. Bd. 5. P. 367. DOI: 10.1515/islam.1914.5.4.358

17. Гаджиев М.С. Баб ал-кыйама — средневековое мусульманское культовое место в Дербенте // *Дагестан и мусульманский Восток: сб. статей в честь профессора А.Р. Шихсаидова* / Отв. ред., сост. А.К. Аликберов, В.О. Бобровников. М.: Издательский дом Марджани, 2010. С. 20–37.

18. Jum'a I. *Dirāsa fī taṭāwwur al-kitābāt al-kūfiyya 'alā l-ahjār fī Miṣr fī l-qurūn al-xamsa l-ūlā li-l-hijra* [Исследование эволюции лапидарных куфических надписей в Египте в I-V вв. х.]. al-Qāhira: Dār al-fikr al-'arabī, 1969. — 292 с.

19. *Routes d'Arabie. Archéologie et histoire du royaume d'Arabie saoudite (catalogue de l'exposition)* / sous la dir. de A. I. al-Ghabban, B. André-Salvini, F. Demange, J.-F. Breton; Musée du Louvre. Paris: Musée du Louvre éditions: Somogy éditions d'art, 2010. — 623 p.

20. Blair Sh. *The Monumental Inscriptions in Early Islamic Iran and Transoxiana.* Leiden: Brill, 1992. — 307 p. DOI: 10.1163/9789004660816

8. El-Hawary H.M. The most ancient Islamic monument known dated A.H. 31 (A.D. 652). *Journal of the Royal Asiatic Society*. 1930; 62: 321-325.

9. Hopkins S. *Studies in the Grammar of Early Arabic: based upon papyri datable to before 300 A.H./912 A.D.* Oxford: Oxford University Press, 1984.

10. Blau J. *A Grammar of Christian Arabic: based mainly on South-Palestinian texts from the first millennium.* Louvain: Secrétariat du Corpus SCO, 1966.

11. Al-Jbour Kh. S. Arabic inscriptions from Wādī Salma. *Studies in the History and Archaeology of Jordan*. 2001; 7: 673–679.

12. Gadjeiev MS., Budaychiev AL., Abdulaev AM. *Medieval Muslim funerary monuments of Derbent (according to archaeological data).* Makhachkala: Mavraev, 2021. (In Russ)

13. Gruber Ch. Nazr necessities: votive practices and objects in Iranian Muharram ceremonies. *Ex Voto: Votive Giving across Cultures*. Ed. by I. Weinryb. Chicago: University of Chicago Press, 2016, pp. 246–275. DOI: 10.2307/j.ctv12fw8bd.14

14. Meri J.W. *The Cult of Saints among Muslims and Jews in Medieval Syria.* Oxford: Oxford University Press, 2002. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199250783.001.0001

15. Taylor Ch.S. *In the Vicinity of the Righteous: Ziyāra and the Veneration of Muslim Saints in Late Medieval Egypt.* Leiden: Brill, 1999. DOI: 10.1163/9789004492721

16. Herzfeld E. Mashhad 'Alī, ein Bau Zengi's II a. H. 589. Mit 5 Abbildungen im Text und 5 Tafeln in Lichtdruck. *Der Islam*. 1914; 5: 367. DOI: 10.1515/islam.1914.5.4.358

17. Gadjeiev MS. Bab al-Qiyama — a medieval Muslim cult place in Derbent. *Dagestan and the Muslim East: collection of articles in honor of Professor A.R. Shikhsaidov*, ed. and comp. by A.K. Alikberov, V.O. Bobrovnikov. Moscow: Mardjani Publishing House, 2010; 20-37. (In Russ)

18. Jum'a I. *Dirāsa fī taṭāwwur al-kitābāt al-kūfiyya 'alā l-ahjār fī Miṣr fī l-qurūn al-xamsa l-ūlā li-l-hijra* [A study of the evolution of lapidary Kufic inscriptions in Egypt in the 1st–5th centuries AH]. al-Qāhira: Dār al-fikr al-'arabī, 1969.

19. *Routes d'Arabie. Archéologie et histoire du royaume d'Arabie saoudite (catalogue de l'exposition).* Sous la dir. de A. I. al-Ghabban, B. André-Salvini, F. Demange, J.-F. Breton; Musée du Louvre. Paris: Musée du Louvre éditions: Somogy éditions d'art, 2010.

20. Blair Sh. *The Monumental Inscriptions in Early Islamic Iran and Transoxiana.* Leiden: Brill, 1992. DOI: 10.1163/9789004660816

Поступила в редакцию 05.11.2025 г.

Принята в печать 28.01.2026 г.

Опубликована 30.09.2026 г.

Received 05.11.2025

Accepted 28.01.2026

Published 30.09.2026